

Церковнославянский язык как текст

Л. Г. Панин

Новосибирский государственный университет, Россия
leonid.panin.00@mail.ru

Аннотация. В статье представлена попытка подойти к научному определению того, что мы традиционно называем церковнославянским языком, часто забывая о тех параметрах, которые и делают его специфическим и востребованным явлением на протяжении более чем тысячелетия. И эти критерии определяются прежде всего текстовым характером церковнославянского языка, который выражается в виде текстов, всегда готовых к воспроизведению и представленных лексикой и грамматикой всей истории своего существования. По-видимому, главным отличием церковнославянского языка является наличие традиции в качестве основного стабилизатора его бытования в противоположность норме, которая в основном сохраняет и обеспечивает единство языка в новое время. Фактическим материалом служат данные нескольких памятников, включенных в состав сборника XV в. (№ 185) из собрания Н. С. Тихонравова Российской государственной библиотеки, в сравнении с «контрольными» списками.

Ключевые слова: церковнославянский язык, памятники письменности, языковые разночтения, «контрольный» источник, традиция, норма

Для цитирования: Панин Л. Г. Церковнославянский язык как текст // *Scriptorium slavicum*. 2024. № 1. С. 59–73. <https://doi.org/10.20913/script-2024-1-05>

LINGUISTIC SOURCE STUDIES

Article

The Church Slavonic: Language as a Text

Leonid G. Panin

Novosibirsk State University, Russia

leonid.panin.00@mail.ru

Abstract. The article attempts to approach the scientific definition of that we traditionally define as the Church Slavonic language, often forgetting about those parameters that make it a specific phenomenon and in demand for more than a millennium. Moreover, these parameters are determined primarily by the textual nature of the Church Slavonic language. It exists in the form of texts, always ready to be reproduced, which represent the vocabulary and grammar of the entire history of its being. Apparently, the main hallmark of the Church Slavonic language is the presence of tradition as the main stabilizer of its existence, in contrast to the norm, which mainly preserves and ensures the unity of the language in modern times. The factual material is the data of several masterpieces included in the miscellany of the 15th century (No. 185) from N. Tikhonravov's MSS collection of the Russian State Library in comparison with the "control" copies.

Keywords: Church Slavonic language, writing monuments, linguistic variant readings, control source, tradition and norm

Citation: Panin L. The Church Slavonic: Language as a Text. *Scriptorium slavicum*. 2024, no. 1, pp. 59–73. <https://doi.org/10.20913/script-2024-1-05>

Введение

Церковнославянский язык как объект исследования. Употребляя словосочетание «церковнославянский язык», мы должны осознавать, что оно не является научным термином, хотя и пришло из научной среды. Дать определение русскому языку мы можем, характеризуя его этнические и географические границы, имея в виду его культурные и духовные традиции, историческую ретроспективу и (что очень важно для языка) «функциональную сторону», как это понимал В. А. Аврорин [1975].

Оценить церковнославянский язык с этих позиций нельзя. Это другой язык, точнее язык, выработавший в ходе своего существования иные принципы развития (они же и принципы стабильности, или принципы условно называемого *устойчивого развития*), о которых я уже писал ранее [Панин, 1995].

Но и термин *язык-консервант* применительно к церковнославянскому языку [Самойлова, 2010] – вынужденная попытка объединить греческий, церковнославянский и латинский языки в культурно-исторической среде по крайней мере Европы. Близкое понимание процесса культурно-языкового определения мира классическими языками отражено в недавно изданной книге М. Н. Славятинской [2022].

На VIII Международном съезде славистов в Киеве Л. П. Жуковская убедительно показала, что церковнославянский язык по существу является искомым объектом (палео)славистических исследований и понять его суть можно будет только в результате анализа конкретных письменных источников [Жуковская, 1978]. Прошло более сорока лет после ее доклада, а мы так и не приблизились к решению этой проблемы.

Сборник Тхн-185 как «инструмент» лингвотекстологического исследования. В 1980–1990-х гг. мною было проведено лингвотекстологическое исследование 45 списков одного из самых популярных церковнославянских сборников – минейного Торжественника. Анализировались наиболее употребительные памятники: слова, гомилии на двенадесятые праздники и особо чтимые памятные даты, жития наиболее почитаемых святых. В область исследования попало и *Похвальное слово на Собор архангелов Михаила и Гавриила* древнеболгарского писателя Климента Охридского. Сравнение разных списков этого памятника помогло выявить интересные сведения о так называемом втором южнославянском влиянии и заставило очень внимательно отнестись к результатам исследования целого ряда житийных текстов, осуществленного Л. П. Жуковской [1982 и др.]. Тогда и выделилась рукопись *Торжественник и Златоуст* из собрания Н. С. Тихонравова № 185 (Тхн-185)¹ с ее неожиданными для этого «влияния» языковыми проявлениями.

Позже я обратил внимание на другие тексты этого сборника, переписанные тем же писцом. Обнаружилось, что то же, нетипичное (во всяком случае для нашего представления о церковнославянском языке, которое складывалось благодаря советским учебникам по истории русского литературного языка) проявление «атрибутики» церковнославянского текста существует и в других памятниках, включенных в состав этого сборника: *Мучении Параскевы Пятницы* (далее *Мучение*) и *Житии и чудеса свв. Козмы и Дамиана* (далее *Житие*). Здесь было выявлено то же видение церковнославянского языка (текста, представляющего этот язык), что и в исследованном ранее *Слове на собор архангелов Михаила и Гавриила*.

Путь исследования: от «разговорных» («просторечных») проявлений в языке памятников Мучений и Житий по списку Тхн-185 к главной цели – квалификации церковнославянского языка. В статье не рассматриваются указанные языковые проявления (это задача работы очень большого объема), ее цель – обозначить вектор такого исследования, выделив те точки «соприкосновения» материала и исходной гипотезы (*церковнославянский язык как письменный язык, церковнославянский язык как текст*), которые дали бы возможность понять, что же такое «церковнославянский язык».

Мучение в исследуемом списке – наиболее яркий текст, представляющий все уровни языка и определяющий направление лингвистического анализа филологической среды бытования церковнославянского текста [Панин, 2021].

¹ РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 185. Рукопись без начала и конца. Как отмечается в прилагающемся к сборнику машинописном описании, рукопись составная: XV в. (л. 9, 11–320 об.) и XVI в. (л. 4–8, 10). Исследуемые в этой статье тексты переписаны в XV в. одной рукой.

Такой масштабности нет в *Житии*, этот текст более камерный, но в изложении чудес здесь можно обнаружить позднюю правку (скорее всего, читателя, то есть пользователя рукописи, которого не устроили лингвистические нововведения писца, и он постарался ввести текст в более привычное для него «поле» церковнославянского языка)².

Рукописи ТСЛ-755 и ТСЛ-777 как «контрольный» источник. Не имея возможности провести лингвотекстологическое исследование избранных памятников и понимая всю условность эксперт-выводов о языке *Мучения* и *Жития* по списку Тхн-185, я обратился к такому обеспечивающему (в той мере, в какой это в реальных условиях возможно) объективность анализа механизму, как «контрольный» источник. Это текст того же памятника в близком по времени исполнения списке, обладающий всеми (по возможности, соответственно представлению исследователя) необходимыми языковыми признаками стандарта (в этом случае церковнославянского языка).

Для *Мучения* в качестве «контрольного» источника избран текст памятника в Главном собрании Троице-Сергиевой лавры, № 755 (ТСЛ-755)³, а для *Жития* – в № 777 (ТСЛ-777)⁴.

Об отношении исследуемого списка к «контрольным» источникам

Отношения двух списков могут быть установлены только в результате текстологического анализа с привлечением максимально доступных источников. Но иногда «языковая разница» в представлении текстов может сказать о многом даже в том случае, когда перед нами только один «контрольный» источник.

В частности, это касается сравниваемых списков *Жития*. Для меня бесспорно, что текст памятника в Тхн-185 и ТСЛ-777 – производное разных переводов (редактур) греческого текста.

Доказательством здесь служат не только различия в имени матери свв. Козмы и Дамиана – *Паладия* или *Пелагия*: *была же въ в'ремѣна тѣхъ жена некотораѹ именемъ поладиа* (Тхн-185, л. 536) – *быъ же въ в'рѣмена та нѣкаа жена єдина именемъ пелагіа* (ТСЛ-777, л. 2). Разные имена в лингвотекстологическом исследовании списков могут оказаться важной приметой, но это весьма спорный аргумент, поскольку русская (славянская) передача греческих имен требует отдельного и очень серьезного разбора. К примеру, в очень популярной у славян *Памяти*

² Впрочем, исправления рукой этого справщика есть и в тексте *Слова на собор архангелов Михаила и Гавриила*, например: *непрес'тан'ны" голосъ"*, *трест'ю пѣ в'гоу въз'сылающе. и говоряче* (испр. на глающе) *стѣ стѣ стѣ гъ саваодъ* (Тхн-185, л. 58г); *былъ в' немощи* (буква щ в слове написана по-другому: ч?) *незигѣа црь подѣис'кын* (Тхн-185, л. 59в); *сія ар'хис'тратига, съ бес'плот'ными силами икаѣали* (испр. на *отвѣщали*) *имѣ. гъ силенъ и крѣпокъ въ рані* (Тхн-185, л. 61г) и др.

³ РГБ. Ф. 304.1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры). № 755. 407 л. XV век (текст *Мучения* на л. 284–291).

⁴ РГБ. Ф. 304.1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры). № 777. 183 л. Начало XVI в. (текст *Жития* на л. 1–7 об.).

сорока мучеников Севастийских Ефрема Сирина анализ соответствия греческих имен и их славянской передачи в известных мне трех славянских переводах (старославянском, древнерусском и старорусском) [Панин, 1997] может поставить историка языка в тупик или стать темой серьезной диссертации.

Для суждения о самостоятельном происхождении текстов *Жития* в наших сборниках показателен следующий пример: и зак'ликалъ говора. ник'то жь не во'ло^{жѣ} рѹкы своеа на з'мію сию. повелено бо еи ити в' родъс'тво вг'ненное (Тхн-185, л. 556) – и възпи гла. никто ж да не възложи^т ржки на змію повелѣ бо [са – дописано на правом поле рукой писца. – Л. П.] еи ити в' геену вгню (ТСЛ-777, л. 5). В словаре древнерусского языка [Срезневский, 1958. Т. 3. Стлб. 139–140], кроме *родъство* 'рождение' и значений, развившихся на его основе, приводится омоним этого слова: *родъство* 'геенна' со ссылкой на примеры из Изборника Святослава 1073 г., *Жития Нифонта* по списку XIII в. и еще нескольких древнерусских источников. В этом же словаре можно обнаружить словарную статью *родъ* 'геенна', содержащую две цитаты из списка Евангелия XII в., с объяснением И. И. Срезневского, что такая лексема является ошибочным переводом: «геенна (γέεννα смешано с γεενά)». Традиция употребления слова *родъство* в значении «геенна, ад» восходит к старославянским источникам: оно неоднократно представлено в Супрасльской рукописи [Словарь..., 2006, с. 647], где для обозначения этого понятия встречается выражение *родъ огньнъ*.

Опыт изучения письменных текстов показывает, что всегда найдутся фразы, в лучшем виде подтверждающие те представления об объекте изучения, которые исследователь старается донести до читателя. В нашем случае это прежде всего начало изложения чудес свв. Козмы и Дамиана: *Былъ нѣк'то мѹжь оу тыхъ же мѣс'тѣхъ, и пошелъ въ верѣмѣ жатвы нивы своеа жати* (Тхн-185, л. 54г) – *моу^ж нѣкто ѡ тѣхъ мѣстѣхъ. изыдетъ въ время жатвы жатъ своеа нивы* (ТСЛ-777, л. 4). Эта фраза может послужить показательным примером в восприятии церковнославянского текста писцом (редактором) сборника:

1) начало «*былъ*», отсылающее нас не то к фольклорному тексту (чаще в форме *было*: «Было во городе во Муроме...»), не то к зачину сказок, но менее всего связанное с началом изложения чудес, где предполагается обобщение и отвлечение в своей характеристике;

2) полногласная форма *верѣмѣ*, непривычная и чрезвычайно необычная для типичного в традиционном понимании церковнославянского текста (вероятно, мало палеославистов встречали эту форму в церковнославянских памятниках);

3) диалектно-просторечное словосочетание *оу тыхъ же мѣс'тѣхъ* (диалектное в употреблении билабиального западнорусского [w] и просторечное в форме местн. мн. *тыхъ*);

4) перфект без связки *пошелъ* вместо ожидаемой формы аориста типа *иде, поиде, изыде*, что и находим в ТСЛ-777 (аорист *изыдетъ* с окончанием наст. вр.);

5) утрата уже необязательного для этого времени супина (и замена его инфинитивом), тем не менее отмеченного «контрольным» списком: **пошеѣтъ въ веремѣ жатвы нивы своеѣ жати – изыдетъ въ время жатвы жатъ своеѣ нивы.**

Второй пример такой же фразы: **с'тарыи же в'рагъ з'лодѣи видѣвъ нап'рас'но стхъ. и побѣгъ к' вѣрегѣ, и вер'гъ сѧ с' берега** (Тхн-185, л. 56в) – **старый * злодѣи диаволъ видѣвъ тече къ стѣнѣ и верже собою** (ТСЛ-777, л. 6 об.). Пример замечателен тем, что в Тхн-185, во-первых, неполногласная форма соседствует с полногласной, а во-вторых, форма перфекта представлена исконным */-м причастием. **Врагъ** как 'дьявол' закономерен для церковнославянского текста, а **вѣрегъ (берегъ)** – это уже выбор редактора (писца). **Побѣгъ и вер'гъ сѧ** – формы перфекта без глагола-связки, но с исконным видом причастия (без утраты л, что произошло в дальнейшей судьбе этих форм уже в русском языке: *ввергся* и разг., прост. *побег*, *побѣг*). Это, как мне представляется, важное свидетельство осознания редактором (писцом) границы допустимых нововведений в языке (соответственно в церковнославянском тексте): перфект вытесняет аорист, «отказывается» в определенных позициях от глагола-связки, но исконную */-ю причастную форму сохраняет.

О терминах *вариант, различие, разночтение*

Описывая языковые различия в разных списках одного и того же памятника [Жуковская, 1976, с. 9], исследователи (в том числе и я [Панин, 1995, с. 128–184]), часто пользуются всеми терминами (*вариант, различие* и *разночтение*) и «опрокидывают» результаты своих наблюдений на язык в целом. Но насколько это применимо к церковнославянскому материалу?

Если современный русский литературный язык представлен и устной, и письменной формами, то церковнославянский – только письменной. Устная форма здесь существует в качестве воспроизведения текстов: богослужение, молитвы, акафисты, чтение за монастырской трапезой. Так, проповедь во время литургии произносится на русском литературном языке с возможными вкраплениями из церковнославянского: оборотом «дательный самостоятельный» *Богу содействующу...*, специфическими формами вроде обращения *Братья и сестры* (а не *сёстры*), цитатами из книг Священного Писания и др. Письменная форма для церковнославянского языка современного (!) употребления – это весь корпус созданных (накопленных) текстов начиная с кирилло-мефодиевского периода, а для современного русского литературного языка – письменное творчество или от Пушкина до наших дней, или от Горького до наших дней, или только наших дней (*cela dépend*, как говорят французы).

Термин *вариант* предполагает или видоизменение чего-то изначально более существенного, или совидоизменение исходного. Кроме того, хотим мы того или нет, но за этим понятием мыслится известная иерархия (чаще

стилистическая, но в любом случае языковая, привязанная к определенному страту языка). Такой термин задает ложное направление научного поиска в ответе на вопрос о существовании различных языковых единиц в одинаковых фрагментах текста в разных его списках.

Понятие *различие* в качестве термина трудно даже квалифицировать, им можно описывать любую разницу в текстах. Но главное – он не предполагает исходного общего источника, а это является важнейшим условием исследования текста в его развитии, что актуально при анализе рукописной традиции бытования текста.

Остается термин *разнотчение*, который по умолчанию отсылает к тому же тексту, но воспроизведенному «другой рукой», существующему в другой редакции и представляющему другой перевод (что в традиции древнерусских памятников явление достаточно обычное) или редактуру, как это показал А. А. Алексеев на материале Славянского Евангелия [Евангелие..., 1998, с. 7–37].

Есть еще один термин, оправдавший себя в исследованиях формирования говоров вторичного образования, – *конкурирующие лексические единицы*. Это понятие ввела В. В. Палагина, реконструируя языковой состав томского говора XVII в. [Палагина, 1972; 2007], и он вошел в практику описания начального этапа вторичных говоров. Термин вполне может быть использован и в лингвотекстологическом исследовании разных списков одного памятника, но только в том случае, когда речь идет о выборе текста или списка для издания, которое, как правило, сопровождается подстрочным указанием на разнотчения. Насколько применим этот термин к церковнославянскому языку (соответственно ко всему корпусу донесенных до нас временем текстов этого языка) – трудно пока судить, здесь недостаточно умозрительных рассуждений, необходимо обращение к конкретным источникам.

При анализе лексических (равно как и фонетических и морфологических) *разнотчений* (именно этот термин пока остается рабочим) в тексте церковнославянского памятника традиционный интерес вызывают вопросы: 1) об изводе; 2) диалектных отражениях писца; 3) соотношении книжных и разговорных явлений и, как следствие, тех новациях, которые представлены изучаемым списком. Вопрос об изводе я не считаю актуальным в нашем случае (думаю, что это тема отдельного разговора), но диалектные и разговорные факты в церковнославянском тексте заслуживают самого пристального внимания.

О диалектных явлениях в языке *Мучения и Жития*

Очевидно, что самое сложное в исследовании истории русского языка – это определить слово как диалектное. Фонетические, морфологические и синтаксические данные более консервативны, они сильнее «привязаны» к территории своего начального бытования, а лексика в большей степени подвижна [Филин, 1972]. Однако областные словари XIX и XX вв. дают

направление диалектной квалификации слов и, как показали исследования В. В. Палагиной, могут служить основанием для серьезных научных выводов. Ниже представлены некоторые примеры из Тхн-185, на мой взгляд, достаточные для суждения о западнорусском происхождении сборника (по крайней мере, диалекте писца, переписавшего эти памятники).

Прежде всего, это регулярное употребление глагола **отказати**, которому в «контрольных» списках соответствуют слова **глаголати** и **отвѣщати** (наиболее часто встречающееся соотношение). Например, в *Житии*: **вказала жена зънаменіе бо зънаю, не могу сего оучинити** (Тхн-185, л. 56а) – **овѣщаємоу жена знаменіе знаю не могу * сего сътворити** (ТСЛ-777, л. 5 об. – 6). О распространении в западнорусских говорах лексемы **отказати** в значении 'ответить' свидетельствуют исторические и диалектные словари [Срезневский, 1958. Т. 2., стлб. 789; Даль, 1978, с. 727; Словарь русских..., с. 192–193]. Это слово семь раз отмечено в *Мучении*.

Из других примеров вероятных диалектизмов западнорусского и южнорусского бытования нужно отметить в тексте *Мучения* **лаати** 'ругать' и **слоухати** 'слушать, слышать'. Широкий северный и западнорусский ареал имело, видимо, и слово **мовити** 'говорить'. Отдельный интерес в этом тексте представляют слова, которые, скорее всего, не входили в корпус диалектной лексики, но со временем закрепились именно в диалектах. Таким было слово **спотворити** в значении 'околдовать'. Еще два слова, относительно которых можно сделать предположение о их областном происхождении, – это **сукнаи катъ**. Первому в «контрольном» списке соответствует типичный церковнославянизм **ризы**, а второму – **спекоулакторъ**, заимствование из греческого языка, которое, в свою очередь, пришло в раннехристианские греческие тексты из латыни, ср. *speculator* → *σπεκουλάτωρ* [Blass, Debrunner, 1961, р. 4], что вполне ожидаемо для церковнославянского перевода *Мучения Святой Параскевы Иконийской*. Достаточно подробно эта лексика рассмотрена в предыдущей публикации [Панин, 2021], здесь же стоит остановиться на лексических особенностях *Жития*.

Опираясь на данные уже упомянутых словарей, с достаточной большой вероятностью мы можем квалифицировать следующие слова в качестве областных. Ниже приведен их перечень по списку Тхн-185 из текста *Жития* (лексические соответствия в «контрольном» списке ТСЛ-777 даны в скобках): **згигноути** 'погибнуть, пропасть' (**оупразднити сѧ**); **ничого** 'ничего' (**ничто**) **трижды**; **оулоучити** 'получить' (**полоучити**); **поустити** 'отправиться куда-л., пускаться' (**ити**); **приспѣти** 'иметь место, случиться' (**быти**); **вечера** 'ужин' (**удъ**); **оувоити** 'войти, влезть' (**внити**); **закликати** 'закричать' (**възпити**) **дважды**; **подати** 'передать, посвятить' (**предати**); **ѣказати** 'ответить' (**ѣвѣщати**); **здррыжати съ страхомъ** 'испугаться' (**оустрашити сѧ**); **нати сѧ** 'взяться, ухватиться' (**ѹти сѧ**) и др.

Далее мною выделяется подгруппа лексических разнотчений, которая характеризуется весьма вероятным присутствием в Тхн-185 разговорной и (или) просторечной лексики. Но здесь хотелось бы отметить условность

понятий *диалектное, просторечное и разговорное* слово. Современный филолог может легко определить, что такое «диалектизм», оперируя таким инструментом, как норма литературного языка. Историк языка, особенно историк церковнославянского языка, создававшегося как результат творческой деятельности всех славянских народов (с 863 по 987 г. дважды менялись центры славянской книжности: сначала Великая Моравия и Паннония, затем Охрид и Преславль и далее – Киев и Новгород), отступает перед понятием нормы. Для этого языка как текста на первом месте стоит понятие традиции, ретроспективно ориентированного явления, определяющего сущность языка как обращения к имеющимся текстам. Но это же явление находилось в полном согласовании с местным движением таких текстов, допускавшим нововведения. Преобразования традиционно были характерны для церковнославянских текстов и являлись движущей силой этого языка, но если и имели стилистическую оценку, то только в глазах исследователей нового времени.

Понимая всю условность квалификации слов как *диалектное, просторечное и разговорное* для XV в., мы все-таки обладаем достаточно надежным инструментом такого классифицирования – знанием о дальнейшей судьбе этих слов в русском языке. Одни из них «осели» в народных говорах, другие, пройдя путь разговорной лексики, стали достоянием литературного языка, третьи, будучи явной принадлежностью типично церковнославянских памятников, квалифицируются уже как книжные или устаревшие.

Примером здесь может служить цсл. *ѣти* (др.-рус. *ѣти*) 'взять, овладеть', нейтральное в свое время. А вот приставочные производные постепенно получили стилистические различия. Дело в том, что корень этого глагола *ѣ-*// *им-* (ср. *ѣти, имати*) не мог употребляться вместе с приставками *въ-* и *съ-*, только с *вън-* и *сън-*: *вън-ѣти, вън-имати, сън-ѣти, сън-имати*, в отличие от *при-ѣти, при-имати, за-ѣти, за-имати* и т. д. В дальнейшем произошло переразложение основы в глаголах: заключительная часть приставки отошла к корню: *вън-ѣти* → *въ-нѣти* и др. Этот процесс вызвал появление глагольных форм типа *при-нѣти, за-нѣти* и даже глагола *нѣти*. Новый вид привычных для церковнославянского языка глаголов оценивался как разговорный, например регулярное употребление в *Житии* форм от глагола *принѣти* в Тхн-185 и их постоянные соответствия от *приѣти* в ТСЛ-777: *принѣлъ же стѣи дѣмианъ. г. ѡнца. занеже посълушание к'ѣт'въ. и силѣ бжиги* (Тхн-185, л. 53г) – *приѣтъ стѣи дамiанъ три ѡнца. да не вслоушаетъ сѣ кѣтвы. ею же заклѣтъ быѣ силою бжiею* (ТСЛ-777, л. 2 об.). В дальнейшем *принѣти* в русском языке стало литературной нормой, а *приѣти* оценивается как книжное и устаревшее.

По-другому сложилась судьба слов *ѣти* (*ѣти*) и *нѣти* (*нѣти*). Первое в словарях характеризуется как устаревшее [Даль, 1980, с. 682], второе переходит в разряд диалектных: в смоленских, курских, архангельских, новгородских и других говорах *нѣть* известно, в частности, со значениями 'братъ, взять', 'захватить, овладеть', 'одолеть, осилить' [Словарь русских...,

1986, с. 335]. Например, *нѣти сѧ и ѡти сѧ* 'взяться, схватиться': *и влѣзъ и нѣл' сѧ за к'ран ол'тарѧ* (Тхн-185, л. 566) – *и влѣзъ ѡ сѧ за краи ѡлтарю* (ТСЛ-777, л. 6).

Ярким фонетическим диалектизмом в обоих текстах является характерное для западнорусских говоров билабиальное [w]: *оуѣмѣстѣ, олѣзла, оу городѣ, оу темницюу* и т. п. В *Житии* находим еще две любопытные диалектные формы: вин. мн. *в'рѣмѧна* и род. мн. *иѣць* (от *ѡнцо*).

Разговорная и просторечная лексика в Тхн-185

В определении просторечной лексики на материале нового времени, представленном весьма надежными словарями и специальными исследованиями, мы достаточно уверены. Квалификация более раннего материала проблематична, но именно такие сборники, как Тхн-185, если и не дают прямых указаний на стилистическую сниженность тех или иных слов, то весьма точно обозначают вектор необходимого поиска. И здесь не должны смущать стилистические характеристики этих слов в современном языке, они могут не соответствовать тому времени. Классический пример – слово *говорить*, нейтральное сейчас, а во времена М. В. Ломоносова не входившее ни в специфический фонд церковнославянской лексики, ни в общий фонд церковнославянских и русских слов [Ломоносов, 1986, с. 200]. По этой причине исследователь с достаточным основанием может квалифицировать слово *говорити* как разговорное. Показательно, что справщик в *Житии* зачеркивает причастие *говораще* и надписывает над ним *глаголю* (Тхн-185, л. 566).

Ниже перечислены слова из *Жития* (подобная лексика *Мучения* была уже частично предметом анализа [Панин, 2021]), которые соответствуют в «контрольном» источнике типичным церковнославянизмам (первое слово из Тхн-185, второе – из «контрольного» списка): *боудь* – *боуди* 'пусть будет (как пожелание)'; *без'словесныя с'коты* – *бесловесныя животы* (о животных); *воръз'до* 'вскоре' – *нет*; *вскоую* – *почто*; *домышлати* – *тоужати*; *жити близъ чего* – *присѣдѣти оу чего*; *жь* – *же регулярно*; *зак'рычати* – *възопити*; *занюжь* – *яко*; *изнаити* – *обрѣсти*; *коли* – *еще*; *не тол'ко* – *не точию трижды*; *обротити сѧ* – *възвратити сѧ*; *ос'мотрѣти* – *обхождати*; *отъ себѣ* – *дроугъ отъ дроуга*; *очютити сѧ* – *въспраноути* 'прийти в себя, очнуться'; *почати* – *начати*; *принѣти* – *приѣти неоднократно*; *принатиіе* – *приатиіе*; *таа* – *та* (мест.); *оуѣмѣстѣ* (см. выше) – *вкоупѣ*; *оучинити* – *сътворити*; *што* – *үко дважды*; *што жь* – *үко*; *ү* – *азъ*, а также *тогда* (дважды), *шобы*, *таковыи 'такой'*, оставшиеся в «контрольных» списках без лексемного соответствия.

Количество подобных примером можно было значительно увеличить за счет достаточно регулярного употребления в Тхн-185 (и в *Мучении*, и в *Житии*) полногласной лексики, слов с *ч* вместо *щ* (*помочь* 'помощь'), особенно многочисленны формы причастий на *-оучи*, *-ачи*, в грамматической семантике которых хорошо просматривается «потенциал» будущих деепричастий. Есть и формы с *ж* (*хождение*) в соответствии со старославян-

ским жд. Все это будет подвергнуто специальному анализу, а в заключение разбора конкретных форм я хотел хотя бы вскользь остановиться на правке нововведений писца (редактора) анализируемых текстов.

Лексическая и грамматическая правка в *Житии*

В некоторых фразах в *Житии*, особенно в той части текста, где излагаются чудеса Святых, можно найти исправления, сделанные одной рукой (несколько таких исправлений представлены и в *Сказании на собор архангелов Михаила и Гавриила* в Тхн-185, см. выше). Термин *правка* здесь, может быть, не вполне уместный, поскольку сам по себе предполагает последовательно проведенную редактуру текста, что обычно проявляется при текстологическом сравнении источников, относительно которых можно говорить о ближайшем родстве. В нашем случае речь идет, собственно, о выборочных исправлениях каких-то слов и грамматических форм, «не угодивших» требовательному читателю, оставившему, впрочем, такие же слова и формы без изменения в других частях текста.

Само явление подобных исправлений я считаю темой очень значимой для исследователей, поскольку здесь оценка читателя индивидуальна и спонтанна. Тем самым она отражает непосредственное восприятие языка, то есть не связана ни с языковыми традициями скриптория, ни с нравственной или идеологической оценкой памятника.

Среди исправлений находим, например, лексическую замену: *оуѣскормити на воспитати*. Справщика смутило не диалектное отражение приставки *в-* в виде билабиального [w] в лексеме *оуѣскормити* (при этом предлог *оу* на месте *въ*, наречие *оумѣстѣ* и др. в тексте оставлены нетронутыми), а явная недостаточная книжность самой лексемы и определенная привязанность к фольклору (ср. хотя бы пословицу *Умели чадо свое вспоить, вскормить, умеите в люди выводить*). Цитирую это исправление: *робѣвшима * са има оуѣс'кормила* (буквы *оуѣс'корми* зачеркнуты, и над ними написано другим почерком *воспита*) *жь ю* (Тхн-185, л. 53а)⁵.

⁵ Упоминая о возможном влиянии народно-поэтического языка на языковое восприятие церковнославянского текста писцом (редактором) Тхн-185, я не могу не обратиться к одному примеру, который не представляется мне бесспорным в «потоке» моих рассуждений, но без которого этот «поток» оказался бы ограниченным: *ходящи въ всемъ благочест'їи целование* (Тхн-185, л. 53а) – *ходящи въ всемъ благочест'їи и чистотѣ бжїа разжма* (ТСП-777, л. 1). Здесь особое значение имеет предлог *о*, который, управляя местным падежом, способствует передаче орудийной семантики. Это отмечал Т. П. Ломтев, приводя в качестве примера конструкции, типичные и для церковнославянского языка (ниже *о хѣ живѹтъ* 'которые именем Христа живут'), и для народных говоров, ср.: *У нас о дышле не ездят, всё об оглоблях* (Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва: МГУ, 1956, с. 406). Ср. также из текста наших списков: *блажена девотна о всякомъ благочест'їи, и о житїи оучаще стѣмъ к'нига* (Тхн-185, л. 53а) – *въ всякомъ благовѣрїи и чистотѣ житїа. оучащи єю стѣмъ книгамъ* (ТСП-777, л. 1 об.); *приб'лижи бо са верема его покои принати. и прес'тавил' са во мирѣ о гѣ. и приналъ вѣнецъ со всеми стѣми оуготожшими хоу* (Тхн-185, л. 54б) – *послѣди * стѣи дамїанъ оуспе и приа вѣнецъ съ всеми оуготившими хви* (ТСП-777, л. 3 об.).

Такую же попытку избежать связи с лексикой, обычной для народно-поэтической речи, я вижу в замене справщиком слова *молодецъ* словом *юноша*: *днѹемъ же мало минѹв'шимъ. ѹвидѣвъ дѣволъ з'намение иже рек'лъ (испр. на рече: буквы к'лъ зачеркнуты, надписано: чѣ) мѹжь къ женѣ свои жено дондѣмъ въ храм стѹго. ѹчинилъ сѧ молод'це^м (слово зачеркнуто, и другой рукой над ним надписано: юношемъ) пришед' пристѹпивъ к' женѣ и рек'лъ ей* (Тхн-185, л. 55г–56а). Еще один пример исправления *рек'лъ* на *рече* представлен в тексте *Жития* (см.: Тхн-185, л. 55г), и это понятно: форма аориста *рече* привычна для любого, кто знаком с церковнославянским текстом Евангелия, где она едва ли не самая употребительная из всех форм глаголов говорения.

Дважды *говорити* исправлено на *глаголати*, также дважды полногласное слово *голосъ* изменено на *гласъ*. Есть еще некоторые исправления, но они пока мне не очень понятны.

Выводы

Рассмотренные в статье языковые данные из Тхн-185 и «контрольных» списков явно указывают на сложную внутреннюю организованность того, что мы привычно называем церковнославянским языком. Этот язык допускал такую стилистическую вариативность (от заведомо книжных до разговорно-просторечных и даже диалектных явлений), которая может быть описана только для текстов, формирующих современный литературный язык. Соглашусь с теми филологами, которые оценят язык *Мучения* и *Жития* как находящийся на периферии церковнославянской книжности. Однако именно он был взят «в багаж» формирующегося в то время русского литературного языка, воспринявшего тот принцип языкового развития, который выработала деловая письменность, – актуальное отражение действительности («старое вытесняется новым»). Достаточно сравнить язык двинских и новгородских грамот XIV в. и деловых памятников XV–XVII вв., чтобы оценить темпы развития русского языка. Но без церковнославянского наследия (традиции этого языка-текста) формирование одного из самых богатых европейских языков не было бы возможным.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

The author has read and approved the final manuscript.

Conflict of interests. The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. (К вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград : Наука, 1975. 276 с. [Avrorin VA (1975) Problems of studying the functional side of language. (On the subject of sociolinguistics). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. Москва : Рус. яз., 1979. 779 с. [Dahl VI (1979) Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz. (In Russ.)].

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Москва : Рус. яз., 1980. 683 с. [Dahl VI (1980) Explanatory dictionary of the living great Russian language. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz. (In Russ.)].

Евангелие от Иоанна в славянской традиции / изд. под рук. А. А. Алексеева. Санкт-Петербург : Рос. библейское о-во, 1998. 82 с. [Alekseev AA (1998) The Gospel by John in the Slavic tradition. Saint Peterburg: Ros. bibleiskoe o-vo. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. Постоянная и варьирующаяся лексика в списках памятника (вопросы изучения и лексикографирования) // Славянское языкознание : VIII Междунар. съезд славистов : докл. совет. делегации. Москва, 1978. С. 173 [Zhukovskaya LP (1978) Constant and varying vocabulary in the lists of the monument (issues of study and lexicography). *Slavyanskoe yazykoznanie : VIII Mezhdunar. s"ezd slavistov : dokl. sovet. delegatsii*. Moscow, 1978. p. 173. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Wien, 1982. Bd. 2. S. 131–144 [Zhukovskaya LP (1982) About the second South Slavic influence). *Die slawischen Sprachen*. Wien, Bd. 2, S. 131–144. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. Москва : Наука, 1976. 368 с. [Zhukovskaya LP (1976) Textology and language of the most ancient Slavic monuments. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Избранные произведения / М. В. Ломоносов. Москва, 1986. Т. 2 : История. Филология. Поэзия. С. 197–202 [Lomonosov MV (1986) Preface on the benefits of church books in the Russian language. *Izbrannye proizvedeniya M. V. Lomonosova*. Moscow, vol. 2, pp. 197–202. (In Russ.)].

Палагина В. В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора) : дис. д-ра филол. наук (отдельные разд.) // В. В. Палагина: годы и труды. Томск, 2007. С. 25–202 [Palagina VV (2007) Reconstruction of the initial state of the secondary dialect (based on the material of the Tomsk dialect): Dr. philol. sci. dis. (sep. sect.). *V. V. Palagina: gody i trudy*. Tomsk, pp. 25–202. (In Russ.)].

Палагина В. В. Конкурирующие лексические единицы в формирующемся русском говоре первой половины XVII века // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972. Вып. 1. С. 118–119 [Palagina VV (1972) Competing lexical units in the emerging Russian dialect of the first half of the 17th century. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Novosibirsk, iss. 1, pp. 118–119. (In Russ.)].

Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995. 215 с. [Panin LG (1995) The History of the church Slavonic language and linguistic textual studies. Novosibirsk. (In Russ.)].

Панин Л. Г. О разговорных явлениях в языке памятника церковнославянской письменности XV века (на материале Мучения Параскевы Пятницы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9. С. 9–22. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22> [Panin LG (2021) On colloquial phenomena in the language of a monument of Church Slavonic writing of the 15th century (based on the material of the Paraskeva Pyatnitsa Torment). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* 20 (9): 9–22. (In Russ.)].

Панин Л. Г. О славянских переводах Памяти сорока мучеников Севастийских Ефрема Сирина // Книга и литература : сб. науч. ст. Новосибирск, 1997. С. 159–164 [Panin LG (1997) On Slavic translations of the Memory of the Forty Martyrs of Sebastia by Ephraim the Syrian. *Kniga i literatura : sb. nauch. st. Novosibirsk*, pp. 159–164. (In Russ.)].

Самойлова Г. С. Дидактический потенциал старославянского языка как «языка-консерванта» в интеграции дисциплин историко-лингвистического цикла // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. № 4-2. С. 708–711 [Samojlova GS (2010) Didactic potential of the old church Slavonic language as a “preservative language” in the integration of disciplines of the historical and linguistic cycle. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* 4-2: 708–711. (In Russ.)].

Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва : Флинта, 2022. 732 с. [Slavyatinskaya MN (2022) Ancient Greek textbook. Moscow: Flinta. (In Russ.)].

Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Ленинград : Наука, 1983. 359 с. [(1983) Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 19. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Ленинград : Наука, 1986. 360 с. [(1986) Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 21. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Словарь старославянского языка. Т. 3. Репр. изд. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 671 с. [(2006) Dictionary of Old Church Slavonic. Vol. 3. Saint Peterburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. (In Russ.)].

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Москва : ГИС, 1958 [Sreznevsky II (1958) Materials for a dictionary of the old Russian language. Vol. 3. Moscow: GIS. (In Russ.)].

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Москва : ГИС, 1958 [Sreznevsky II (1958) Materials for a dictionary of the old Russian language. Vol. 2. Moscow: GIS. (In Russ.)].

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : ист.-диалектол. очерк. Ленинград : Наука, 1972. 655 с. [Filin FP (1972) The origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages: hist. dialectol. essay. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the new testament and other early Christian literature. Cambridge, 1961. 263 p. (In Eng.).

Информация об авторе

Леонид Григорьевич Панин,
доктор филологических наук, профессор,
Новосибирский государственный
университет,
Гуманитарный институт, кафедра источни-
коведения литературы и древних языков,
ул. Пирогова, 2, Новосибирск,
630090, Россия
leonid.panin.00@mail.ru

Information about the author

Leonid G. Panin,
Doctor of Philology, Professor,
Novosibirsk State University, Institute
for the Humanities,
Department of Source Studies
of Literature and Ancient Languages,
2 Pirogova St., Novosibirsk,
630090, Russia
leonid.panin.00@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received 13.04.2024

Получена после доработки / Revised 26.08.2024

Принята для публикации / Accepted 05.10.2024